Священный синод Болгарской православной церкви (митрополита Иннокентия) и другие против Болгарии [Holy Synod of the Bulgarian Othodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria] (№№ 412/03 и 35677/04)

Постановление от 22 января 2009 г. [вынесено V Секцией]

Обстоятельства дела

Первый заявитель, Священный синод во главе с митрополитом Иннокентием (далее – альтернативный синод), является одним из двух соперничающих руководств расколовшейся Болгарской православной церкви (далее – Церковь). Остальные заявители – сотрудники альтернативного синода. Вскоре после демократических преобразований 1989 г. ряд православных верующих, которые впоследствии именовались альтернативным синодом, пытались сместить действующее руководство Болгарской православной церкви. Они полагали, что патриарх Максим, возглавлявший Церковь с 1971 г. и выдвинутый на этот пост коммунистической партией, провозглашен патриархом в нарушение традиционных канонов и устава Церкви. В 1992 г. государство-ответчик вмешалось во внутреннюю организацию Церкви путем назначения временного совета до созыва церковного собора для избрания патриарха. Болгарские суды признали это вмешательство незаконным. В последующие годы спор о руководстве в Церкви продолжался. Оба из них имели сторонников среди духовенства и мирян, проводили съезды и собрания с целью объединения Болгарской православной церкви и признания ее лидера в качестве единого законного главы Церкви. В дальнейших разбирательствах по поводу регистрации суды выносили противоречивые решения.

После смены правительства политическое большинство открыто поддерживало патриарха Максима. Был принят новый закон о религиозных конфессиях 2002 г. (закон 2002 г.), имевший целью ликвидацию церковного раскола. Он, в частности, предусматривал признание Церкви в силу закона. Одно из его положений устанавливало, что Церковь «возглавляет Священный синод и представляет болгарский патриарх...». Закон запретил религиозным конфессиям использовать уже существующее наименование и указал, что лица, вышедшие из зарегистрированных религиозных организаций, не имеют права использовать их наименование и активы. В 2003 г. альтернативному синоду отказали в регистрации большинства его местных церковных советов по всей стране. Основной довод, использовавшийся для этого судами, сводился к тому, что регистрация может осуществляться только в том случае, если соответствующее требование предъявляет лицо, представляющее Церковь. По их мнению, патриарх Максим широко известен и признан в мире в качестве главы Церкви. После подачи жалобы патриархом Максимом в 2004 г. органы прокуратуры на местах издали распоряжения о выселении лиц, незаконно занимающих церкви и религиозные учрежде-

ния. В результате полиция блокировала более 50 церквей и монастырей по всей стране, изгоняла священников и персонал, связанный с альтернативным синодом, и формально передавала здания во владение представителей соперничающей стороны. Руководство патриарха Максима заручилось международным содействием православных церквей и иных религиозных организаций мира. Организация-заявитель никогда не пользовалась значительной поддержкой православных церквей за пределами Болгарии.

Вопросы права

По поводу применимости к делу статьи 9 Конвенции. Обжалуемые события затрагивали действия государства, которые в контексте длящегося спора между двумя группами, оспаривающими руководство в Церкви, повлекли прекращение автономного существования одной из двух соперничающих групп и обеспечили другой исключительные представительские полномочия и контроль за деятельностью всего религиозного сообщества. Таким образом, оспариваемые действия государства относятся к сфере действия статьи 9 Конвенции. Задача Европейского Суда заключается в проверке того, составляло ли введение в действие закона 2002 г. и его исполнение незаконное и неоправданное вмешательство во внутреннюю организацию Церкви и в права заявителей. В задачу Европейского Суда и любого другого органа за пределами сообщества Болгарской православной церкви не входит оценка обоснованности с точки зрения канонического права претензий на легитимность соперничающих руководств.

Наличие вмешательства государства. Вопреки утверждениям государства-ответчика вмешательство властей не ограничилось одним лишь признанием церковного руководства, которое являлось легитимным с точки зрения канонического права. Вопрос о том, какое из них является каноническим, обсуждался в самом религиозном сообществе, и официальное решение, разрешающее спор, им не было принято. Несмотря на эти реалии, закон 2002 г. провозгласил обязательное признание Церкви как единого юридического лица с единым руководством и вынуждал религиозное сообщество принять одно из двух существующих руководств. Таким образом, власти приняли одну сторону в неразрешенном споре, глубоко расколовшем религиозную общину. Тот факт, что заявители вправе были учредить новую религиозную организацию, не носящую наименование Болгарской православной церкви, не позволяет заключить, что государственное вмешательство во внутреннюю организацию Церкви отсутствовало.

Необходимость вмешательства. Продолжающийся спор в Церкви породил правовую неопределенность. В частности, одно из соперничающих руководств пыталось захватить контроль над местами отправления культа и церковными активами, и часто оказывалось трудно определить представителей приходов. В течение нескольких лет выносились противоречивые судебные решения относительно руководств Церкви и их представительных полномочий. Все это породило сложности не только в религиозном сообществе, но и для лиц и организаций, имеющих связь с Церковью. Следовательно, у болгарских властей имелись достаточные основания для разработки мер, способствующих преодолению раскола Церкви. С другой стороны, Европейский Суд не может согласиться с тем, что заявители представляли собой не более чем лиц, незаконно занимающих церкви. В поддержку обоих руководств собирались церковные съезды, в которых участвовали сотни представителей местных приходов, духовенства и верующих, что и позволило организации-заявителю приобрести контроль над определенными церковными активами и храмами. Хотя представляется, что в отсутствие незаконных государственных актов 1992 г. заявители, возможно, пользовались бы меньшим влиянием, факты свидетельствуют, что к 2002 г., когда государственные власти предприняли оспариваемые меры для объединения Церкви, последняя оказалась в действительности расколота в течение

более чем 10 лет на основе доводов, которые не являлись незначительными или несостоятельными. При таких условиях законная цель устранения несправедливости не гарантировала использования государственных полномочий для принятия быстрых мер, обеспечивающих возврат к прежнему положению против воли части религиозной общины. Необходимость восстановления законности, на которую ссылалось государство-ответчик, могла бы оправдать нейтральные меры, обеспечивающие правовую определенность и предсказуемые процедуры разрешения споров. В настоящем деле государственные органы вышли далеко за пределы восстановления справедливости и приняли меры, непосредственно направленные на принуждение общины к признанию одного из двух соперничающих руководств и подавлению другого. Сотни священников и верующих изгнали из своих храмов, что представляло собой незаконное вмешательство прокуратуры и полиции в частно-правовой спор, подлежащий рассмотрению судом. Такие меры следует считать несоразмерными. Указанный характер этих мер усугублялся тем фактом, что закон 2002 г. не отвечал конвенционным стандартам качества закона, поскольку его положения оказались сформулированы с видимостью нейтралитета и не учитывали тот факт, что Церковь является глубоко расколотой, что стало равнозначно принуждению верующих к признанию единого руководства против их воли. В частности, вопрос о правовом представительстве Церкви допускал произвольное толкование. Некоторые национальные суды и органы преследования руководствовались в основном мнением парламентского и правительственного большинства о том, что патриарх Максим является единственным легитимным представителем Церкви. Однако ни единство Церкви даже притом, что это был вопрос чрезвычайности важности для ее последователей и болгарского общества в целом, ни предполагаемая цель государства-ответчика, заключавшаяся в обеспечении уважения заповедей церковных канонов, не могли оправдать действия государства, насаждающего такое объединение силой и игнорирующего позицию многочисленных православных приверженцев организации-заявителя. В результате, несмотря на широкие пределы усмотрения, предоставленные национальным властям, они допустили вмешательство в организационную автономию Церкви и права заявителей, предусмотренные статьей 9 Конвенции, способом, который не может считаться законным и необходимым в демократическом обществе.

Постановление

По делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции (принято единогласно).

По жалобам о нарушении статьи 10 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на свободу выражения мнения

По делу обжалуется чрезмерно широкая сфера действия меры по обеспечению иска, запрещающей журналисту освещать происшествие с участием судьи и судебное разбирательство в связи с этим. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. *(Пункт 1 статьи 10 Конвенции)*

Обухова против России
[Obukhova v. Russia] (№ 34736/03)

Постановление от 8 января 2009 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

Заявительницей по делу выступает журналистка, опубликовавшая статью о гражданско-правовом разбирательстве о взыскании компенсации, начатом судьей* в связи с дорожно-транспортным происшествием. В статье воспроизводилось письмо супруги противной стороны, которая утверждала, что

* Судьей Ярославского областного суда Басковой (*прим. переводчика*).